

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННЫЙ СТАТУС, ПЕРСПЕКТИВЫ¹

Тишков В.А., Новикова Н.И., Пивнева Е.А., Степанов В.В.

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия
info@iea.ras.ru*

Историческая специфика коренных народов российской Арктики состоит в том, что они воплощают в этом регионе культурное, социальное и экологическое наследие уникального образа жизни (своего рода «арктическую цивилизацию»), освоив природную среду и создав системы жизнеобеспечения уже несколько тысяч лет тому назад. С другой стороны, представители так называемых коренных малочисленных народов Севера (КМНС) давно и прочно укоренены в российском государстве и в российской истории. Более того, циркумполярные широты и их коренные жители представляют собой хотя и удаленную, но одну из точек отсчета для понимания современной России. Это – одна из брендовых характеристик образа России как северной страны.

Является ли образ жизни арктических жителей тем, что необходимо подчинять и переделывать на общероссийский образ жизни? Или это мир, который желательно сохранить в его неизменном статусе? Или же возможен третий вариант, который мы в свое время назвали как «культурно ориентированная модернизация»? Эти вопросы заставляют дополнительно задуматься о том, какой должна быть российская политика в Арктике в контексте устойчивого развития, экологической безопасности и национальных интересов России в целом.

Как мы уже отметили, собственная история коренных народов Севера насчитывает много тысячелетий, но если брать уже историю российского государства, то здесь были периоды своего рода союзнических (на основе торговли) отношений с властями Российской империи, включение аборигенного населения несколько столетий назад в российскую данническую систему (через уплату ясака), полная или частичная христианизация, наконец, достаточно тотальная и жесткая по формам советская модернизация, включавшая как культурную революцию и частичный переход к оседлости, так и принуждение к коллективизации и тяжелые социальные проблемы советской эпохи. В целом политика по отношению к насельникам Арктики долгое время была подчинена утилитарным экономическим интересам, идеологическим установкам и военно-стратегическим расчетам. Таковой она остается во многом и поныне, хотя новая концепция государственной политики в Арктике носит более чувствительный характер.

В этом контексте рассмотрим некоторые социокультурные реалии сегодняшних насельников Арктики. Академические исследования истории и культуры арктических народов имеют давнюю и замечательную историю, начиная с первых научных экспедиций и описаний проживающих в регионе народов. Особые заслуги имеет советская научная школа изучения народов Арктики. Работы исследователей были посвящены не только вопросам истории, социального и этнокультурного развития коренных народов региона, но также содержали поиски путей их развития на основе сохранения традиций

¹ Статья подготовлена на основе доклада на Общем собрании Российской академии наук 16 декабря 2014 года. Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Поисковые фундаментальные научные исследования в интересах развития Арктической зоны Российской Федерации» (проект «Коренные народы и промышленное освоение Арктики: преодоление рисков и стратегии развития»).

и государственного патернализма (см., например, многочисленные «докладные записки в директивные инстанции» сотрудников Института этнографии АН СССР за 1950–80-е гг.) [1].

Социально-экономические и политические процессы, в которые вовлечены представители этих народов, ставят перед наукой новые задачи. К числу таких актуальных проблем относится определение дальнейших перспектив развития арктических сообществ в условиях новых проектов экономического и военно-стратегического характера. Этой проблеме уделяется серьезное внимание во всем мире. Главное, к чему пришло человеческое сообщество, – это осознание необходимости отказа от политики патернализма по отношению к «отсталым» народам, признание самобытности и самоценности их культур.

Сегодня изучение народов Арктики активизировалось. В рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН с 2014 г. выполняется проект «Коренные народы и промышленное освоение Арктики: преодоление рисков и стратегии развития». Реализуется большое количество региональных историко-культурных и этнографических исследований, а также совместные международные проекты.

В статье мы отталкиваемся от того, как Арктическая зона Российской Федерации была определена в 2014 г. указом Президента РФ № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». Она включает территории восьми субъектов РФ: 1) Мурманской области; 2) семи муниципальных образований Архангельской области; 3) Ненецкого автономного округа; 4) городского округа «Воркута» Республики Коми; 5) Ямало-Ненецкого автономного округа; 6) городского округа Норильска, Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района и Туруханского района Красноярского края; 7) пяти улусов (районов) Республики Саха (Якутия); 8) Чукотского автономного округа. Площадь Арктической зоны РФ около 9 млн. км², там проживает более 2,5 млн. человек. Это менее 2 % населения России и около 40 % населения всей Арктики на планете. В российской Арктике проживает 82,5 тыс. представителей коренных малочисленных народов из общей численности этой категории российского населения примерно в 250 тыс. человек. По своему этническому составу это ненцы, чукчи, ханты, эвены, эвенки, селькупы, саамы, эскимосы, долганы, чуванцы, кеты, нганасаны, юкагиры, энцы, манси, вепсы, коряки, ительмены, кереки. Часть из них ведет кочевой или полукочевой образ жизни, связанный с традиционными видами природопользования – оленеводством, рыболовством, морским зверобойным промыслом, охотой, собирательством. Большинство проживает в поселках и городах и является оседлыми жителями. По нашим оценкам, в Арктике кочует часть года или круглогодично около 20 тыс. человек, т.е. около четверти проживающих здесь аборигенов.

При этом порядка 60 % кочующего населения страны приходится на Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО). По данным Ямалстата, на 01 января 2011 г. численность коренных малочисленных народов Севера в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности в ЯНАО составила 37 125 человек (7 % от общей численности населения автономного округа). Кочевой образ жизни вели 14 667 человек (3 139 семей), или около 40 % от всего коренного населения. В тундре вместе с родителями находилось более 4 000 детей, из них до года – более 500 человек [2].

О демографической ситуации и социальных проблемах. Не так давно ученые и общественность били тревогу по поводу сокращения численности (и даже «вымирания») коренных народов Арктики. Однако данные последних переписей населения свидетельствуют, что эти опасения были преувеличены. На самом деле численность наиболее многочисленных по арктическим меркам групп (ненцы, чукчи, ханты, эвены) даже возрастает, а совсем малочисленным группам удается сохранять более или менее стабильную демографическую динамику. По крайней мере, мы не видим в средне-

срочной перспективе каких-либо драматических демографических изменений среди этой части российского населения. Тем более нет оснований ожидать, что возникнет какая-то обширная административная территория с преобладанием представителей арктических групп, как, например, это произошло в Канаде и привело к образованию новой автономной территории Нунавут с преобладающим проживанием канадских аборигенов.

Вместе с тем, острыми являются социальные проблемы, связанные с организацией здравоохранения в отдаленных районах Арктики, так как для кочевого населения доступ к больницам и поликлиникам затруднен, а для скорой помощи единственным средством остаются санитарные вертолетные перевозки. Для кочующих жителей тундры сегодня зачастую недоступна даже общетерапевтическая помощь, не говоря уже о специализированной. Острейшей социальной проблемой остается алкоголизм, который является одной из причин повышенной смертности среди северных аборигенов, их низкой продолжительности жизни и социальной дезадаптации.

С точки зрения *этнокультурного развития* в Арктическом регионе наблюдается тенденция сокращения представителей местных этнических групп, владеющих родными языками вследствие многовековых контактов и проводившейся с 1930-х гг. политики интеграции. В отношении малочисленных народов Севера она проявляется особенно остро, поскольку в их среде этнические языки, прежде всего в силу словарной специфики, представляют собой один из механизмов приспособления к выживанию в суровых природных условиях.

Вопросы о языках и этнической идентичности (национальности) неизменно присутствуют во всех отечественных переписях населения, начиная с 1920 года. Эти данные и научные исследования показали, что у малочисленных народов Севера этнические языки подвержены процессу вытеснения доминирующими языками, прежде всего, русским. Так, по результатам переписи 1989 г. известно, что в среднем языковая ассимиляция составляла не менее 35 % (такова была доля аборигенов, не владеющих языком своей группы). Реальные масштабы языковой ассимиляции были еще больше, т.к. отечественные переписи в силу некорректной формулировки вопросов слабо выявляют степень языковой компетенции населения [3].

По материалам переписи 2010 г. из общего числа участвовавших в переписи только 37 % указали владение языком своей этнической группы, а 96 % – русским языком. Наши полевые материалы показывают, что в наиболее полной мере сохраняют свои позиции основного средства общения хантыйский, ненецкий, селькупский, чукотский и эскимосский языки. На ненецком языке говорит более 85 % представителей этого народа [4]. В целом сохраняется языковая ситуация, описанная лингвистами в 1990-е годы для наиболее крупных северных народов: типичным для нее было и остается довольно устойчивое владение двумя языками – например, ненецким и русским, чукотским и русским [5]. Тем не менее, сегодня для подавляющего большинства представителей коренных народов Арктической зоны русский язык является основным языком знания и общения.

Общая ситуация такова, что практически все арктические аборигены владеют русским языком, и почти 30 % назвали его родным языком. Однако, если считать родным именно язык основного знания и общения, а не просто язык, совпадающий с национальностью, независимо от его владения, тогда реальная доля аборигенов с родным русским языком будет заметно больше. Что касается собственно аборигенных языков, то ситуация крайне неоднородная: сравнительно крупные народы, как, например, ханты, чукчи и ненцы, обладающие к тому же титульной этнотерриториальной автономией и сравнительно компактным расселением, сохраняют языки своих национальностей достаточно в высокой степени, включая преподавание на этих языках в начальной школе.

Не менее многочисленные эвенки, но разбросанные по огромным территориям (около половины из проживает в Китае) и имеющие многочисленные диалектные группы, сохранили эвенкийский язык заметно хуже. Большой вклад в сохранение языков арктических народов вносят социолингвисты, работники просвещения и образования. Они изучают исчезающие языки, фиксируют и публикуют словарный запас, фольклорные тексты, готовят учебные пособия, радио и телепередачи.

Необходимо понимание так называемого «языкового перехода», т.е. перехода на двуязычие или полностью на русский язык как прежде всего индивидуального выбора и одной из стратегий модернизации этой части российского населения. Здесь важен не столько сам факт обязательного сохранения миноритарных языков в их полном функционировании, а сохранение этнической идентичности и предотвращение ассимиляции в пользу других. По нашим данным, такого процесса в заметных масштабах в российской Арктике не происходит.

Значительная часть культурного наследия народов Арктики жива и сейчас, особенно в приемах хозяйственной деятельности, художественных ремеслах, народной памяти, в духовной культуре, фольклоре, что помогает сохраняться этническому самосознанию народа, даже если полностью утрачено знание этнического языка. Отдельные элементы аборигенных культур стали символами, знаками, характерными для того или иного народа (ненец на оленьей упряжке с хореем в руках, эвенк верхом на олене, чукча с арканом в руках, хант в долбленной лодке и т.п.).

Социально-экономическое положение. Деятельность предприятий ТЭК приносит огромные средства, малая часть которых идет на финансирование целевых программ для коренных малочисленных народов Севера, помощь предприятиям агропромышленного комплекса, поддержку общин коренных народов, возмещение причиненных освоением убытков и т.п. В целом это сказывается положительно на росте благосостояния местного населения. Вместе с тем, в силу различных факторов (природных, исторических, социально-культурных, медико-биологических) северные аборигены находятся в менее благополучном положении по сравнению с жителями других регионов России. В «Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (2009) отмечено, что уровень жизни значительной части населения из числа малочисленных народов Севера, проживающих в сельской местности или ведущих кочевой образ жизни, ниже среднего российского. Уровень безработицы в районах Севера в 1,5–2 раза превышает средний по Российской Федерации.

Один из путей вовлечения КМНС в современные сферы занятости – развитие экологического, этнографического туризма и производства сувенирной продукции. Это связано с презентацией традиционной культуры, поэтому такие занятия можно рассматривать как современное направление традиционного хозяйства. Для успешного развития этнотуризма необходимо создание соответствующей инфраструктуры, предусмотренной индустрией турбизнеса в целом, для чего требуются люди с высшим образованием и соответствующей квалификацией. Отдельная социальная проблема – обеспечение аборигенов жильем. Особенно это касается кочевого населения, ибо среди оленеводов подавляющее большинство не имеет постоянного жилья. Молодые люди из оленеводческих семей хотели бы жить в поселке, но понимают, что на пути реализации такого желания стоят две серьезные преграды – отсутствие жилья и работы. Кстати, это фактор нужно учитывать и при решении вопроса о регулировании стада домашних оленей, численность которого только на Ямале сегодня превышает 700 тысяч особей.

К сожалению, промышленное освоение Арктики подчас разрушительно влияет на природную среду и на сообщества коренных жителей. Ситуация осложняется тем,

что промышленная деятельность началась до того, как были приняты соответствующие правовые нормы, защищающие интересы коренных малочисленных народов. В России не достигнут необходимый паритет в отношениях аборигенов с промышленными компаниями с точки зрения взаимного учета интересов, взаимовыгодного развития и нейтрализации рисков. Наши и другие исследования указывают на необходимость выработки особых государственных требований к деятельности компаний – требований, учитывающих ранимость арктической природы и особые права групп населения, занимающегося традиционным природопользованием.

Для сравнения ситуации в различных регионах Арктики интерес представляет опыт Ямало-Ненецкого автономного округа, который занимает особое место в ряду регионов Севера. Там сконцентрированы уникальные запасы природных ископаемых. Сегодня округ обеспечивает добычу 14% жидких углеводородов и 85% газа России, оставаясь на перспективу безальтернативным газовым плацдармом России. Второй особенностью этого арктического региона является значительная доля кочевого населения, сохраняющего традиционный образ жизни, который основан на оленеводстве. По данным на 2012 г. в округе около 15 тыс. кочевников, что составляет около 40 % всех живущих там аборигенов. Предлагавшиеся в прошлом планы перевода оленеводов на оседлость и переселения их в поселки доказали свою бессмысленность, поэтому вопросы сочетания традиционного природопользования и промышленного развития в ЯНАО приобрели особую актуальность в последнее время.

Общим требованием аборигенных организаций в ЯНАО является переход от благотворительной помощи промышленных предприятий к установлению партнерских отношений, согласованию вопросов, представляющих взаимный интерес. Промышленные предприятия также в какой-то степени стремятся найти пути смягчения воздействия промышленного освоения на коренные малочисленные народы, чтобы избежать открытого противостояния. Для этого они заключают договора с правительством округа, с администрациями районов. На основании этих соглашений компании перечисляют финансовые средства, но действенного контроля за их распределением и использованием нет. Недостатком этой системы является отсутствие адресного использования средств, ее закрытость для общества, отсутствие участия коренных народов и их организаций в распределении этих средств. И как результат – низкая эффективность таких финансовых вливаний.

При рассмотрении вопросов взаимодействия с промышленными компаниями необходимо учитывать, что промышленное развитие дает разным группам населения неодинаковые возможности и приводит к разным последствиям. Для тундровиков это несет сокращение пастбищ и загрязнение окружающей среды. Поселковые – как ненцы, так и другие местные жители, ждут от развития промышленности на севере новые рабочие места. Если бы компании развивали инфраструктуру в поселках, то местное население, включая ненцев, поддерживало бы промышленные проекты с большим энтузиазмом. Мнение и аборигенов, и представителей органов власти заключается в том, что в освоении природных ресурсов Ямала должен быть системный подход, на основании которого будет строиться взаимодействие заинтересованных сторон – органов власти, промышленных предприятий и коренных народов. Для этого необходимы такие социальные технологии, которые учитывают альтернативные пути развития [6].

Сегодня в российской Арктике лишь среди ненцев, долган, чукчей, энцев удельный вес занятых в традиционных отраслях составляет 18—25 %. Среди остальных категорий аборигенных народов Арктической зоны России он не превышает 9—13 %. Низкая конкурентоспособность традиционных видов хозяйственной деятельности обусловлена малыми объемами производства, высокими транспортными издержками, от-

сутствием современных предприятий и технологий по переработке сырья и биологических ресурсов.

Современный правовой и социокультурный статус коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока регулируется Конституцией РФ и большим количеством нормативных актов. Прежде всего это федеральные законы «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (1999 г.), «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (2000 г.), «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (2001 г.). Эти законы направлены на сохранение историко-культурного наследия, поддержку языков и культур коренных народов. Меры господдержки культуры предусматривают поддержку культурных центров, творческих коллективов, организацию телевизионных передач, документальных фильмов, периодических изданий, издание учебной, научной и художественной литературы, развертывание интернет-проектов на языках коренных малочисленных народов Севера, проведение фестивалей культуры, праздников оленеводов, охотников и рыбаков, традиционных спортивных состязаний.

Определенные права и льготы, предоставляемые коренным малочисленным народам Севера, являются существенным фактором социальной адаптации к условиям рыночной экономики, а также сохранения групповой целостности. Именно государственные гарантии и льготы зачастую становятся основным аргументом выбора выходцами из смешанных семей этнической принадлежности в пользу аборигенной. Социальные преференции и квоты на использование ресурсов делают привлекательными для индивидов смешанного происхождения отнесение себя к числу коренных народов. Это, кстати, один из источников пополнения численности данной категории населения.

Следует сказать об этнопсихологических, символических особенностях природопользования в зоне Арктики ее коренными насельниками. Они определяются традиционными представлениями о земле и отсюда вытекают многие противоречия с подходами промышленного освоения. Заметим, что аборигенное население социально неоднородно, лишь часть его стремится сохранить земли для ведения традиционного хозяйства и развития своей культуры. Но именно с этой группой связываются в общественном сознании надежды на сохранение уникальной северной культуры и природы. Именно у аборигенов, ведущих традиционное хозяйство, происходят конфликты с промышленными компаниями. Однако многие авторитетные исследования арктических сообществ показывают, что освоение Арктики во все времена строилось скорее на партнерстве, чем на вражде, причем морские и тундровые кочевники играли в этом существенную роль. А северная многокультурность исторически была основана на динамическом взаимодействии культур и предполагает высокий потенциал движения [7].

В аборигенных представлениях о земле отражаются правовые идеалы коренных народов, которые характеризуются соблюдением меры в использовании ресурсов, необходимостью следить за землей и осознанием «права земли» как действенного нормативного регулятора в отношениях между людьми. Для природопользования аборигенов характерно также представление о проницаемости границ, мобильности людей и вместе с тем ограниченности освоенного пространства. Такими границами ареала, получившего в законодательстве название «исконной среды обитания», являются природные и хозяйственно-культурные черты культурного ландшафта. В современных условиях у аборигенов сочетаются представления о себе как «части Севера» и о необходимости сосуществования с приезжими. Для создания справедливой системы взаимодействия коренных народов и промышленных компаний необходимо больше доверие к коренным народам, включение норм традиционного природопользования в пра-

вовую систему страны. Важным представляется создание своего рода переговорной площадки, где государство (правовая система), промышленные компании (корпоративное право) и аборигены (обычное право) получили бы не только право голоса, но и систему принципов и механизмов, которые обеспечат их взаимодействие [8].

Для обычно-правового регулирования отношений землепользования также характерны общественный характер норм землепользования, включающий коллективные и индивидуальные права, разделение общественного статуса освоенных территорий и имущественных интересов, неотчуждаемый характер землепользования, проявляющийся в том, что земля и водные угодья могут передаваться по наследству или передаваться внутри группы, но не продаваться. Отчуждение земли для целей, отличных от традиционного природопользования, воспринимается отрицательно. Особо остро воспринимается разрушение оленьих пастбищ. Сегодня угрозу пастбищам представляют не только антропогенное воздействие, связанное с деятельностью нефтегазовых предприятий, но и изменение климата. В этих вопросах важно учесть мнение коренных народов, сочетая научные и традиционные представления с целью партнерства в «производстве» знаний, а также для совместного управления арктическими регионами.

Организация «Оленеводы мира» инициировала специальный проект «EALAT» («Оленеводство в условиях изменяющегося климата»), большая часть которого осуществлялась в России. Проводятся и другие исследования, но их результаты плохо коррелируются и мало используются на практике. Председатель правления Ассоциации «Оленеводы мира» М.А. Погодаев подчеркивает: «Хотя оленеводы в принципе не против экономического развития и понимают его необходимость и неотвратимость, растет их озабоченность в связи с растущими потребностями общества и необходимостью обеспечения сбалансированного развития такой деятельности во взаимосвязи с интересами традиционных форм хозяйственной деятельности народов Арктики и сохранения биоразнообразия» [9]. Одним из путей трансляции традиционных знаний может стать этнологическая экспертиза. Наш опыт работы в рамках ООО «Этноконсалтинг» на Сахалине и на Ямале показал полезность научной экспертизы этнологами и антропологами.

Для многих российских аборигенов важным моментом природопользования является представление о священных местах [10]. Они выполняют разные функции: могут быть естественными резерватами, местами совершения обрядов и общения с богами и духами. Особенно важными считаются священные места, которые являются такими «точками», которые связывают части их жизненного пространства. Согласно обычному праву народов Севера, они священны именно потому, что люди постоянно (иногда мысленно) совершают определенные действия в отношении таких мест для обеспечения благополучия своих семей и неразрывности культурного пространства. Специалистам известно, что священные места могут быть выявлены только этнографическими методами, к тому же люди часто не хотят привлекать к ним внимание посторонних, опасаясь негативных последствий. Такие места и другие элементы нематериального культурного наследия нуждаются в правовой защите.

Статус священных мест не определен в федеральном законодательстве, а требуемая историко-культурная экспертиза ограничивается археологическими исследованиями. Необходимо ее усилить этнологическими исследованиями в сотрудничестве с коренными народами. Священные места имеют статус части территории традиционного природопользования и в этом качестве их правовой статус определен и защищен на федеральном уровне. Согласно статьям 10 и 16 Закона «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» объекты историко-культурного наследия, в том числе культовые сооружения, места древних поселений и места захоронений предков и иные

объекты, имеющие культурную, историческую, религиозную ценность, выделяют в границах территорий традиционного природопользования и они подлежат охране. Необходимо сказать о пробелах законодательства в этом вопросе, так как в указанном законе священные места не названы, хотя они подразумеваются. Главное, пока не создано ни одной территории традиционного природопользования федерального значения, а в рамках таких региональных территорий охранный режим часто подвергается корректировке промышленными компаниями и органами власти.

При проведении этнологических экспертиз в ЯНАО мы сталкивались с ситуациями, когда заявлений аборигенов бывает недостаточно для защиты их прав на свою культуру, почитание священных мест [11]. В таких случаях необходима работа антропологов, включающая проведение исследования, написание экспертного заключения и привлечение общественного мнения к таким вопросам. Однако процесс проведения этнологической экспертизы не урегулирован.

Наиболее острые противоречия восходят к представлениям промышленников о «ничейной» земле. Часто можно услышать, что аборигены живут на земле компании, что компания оформила лицензию, а оказалось, что на этой территории кочуют олениводы. Промышленники часто не знают и не учитывают особенности кочевого образа жизни, а российские законы не требуют от них проведения экспертизы. Именно обязательная этнологическая экспертиза сможет определить потенциальные угрозы промышленного освоения.

Наибольшее неприятие со стороны общин коренных народов вызывает нерациональное использование ресурсов, а также бытовое загрязнение леса и тундры, огромное количество отходов – промышленных и бытовых, которые оставляют после себя работники промышленных предприятий. Оставленные отходы становятся причиной гибели оленей, а также причиной глубокого стресса у коренных жителей тундры, которые в таких условиях и сами иногда забывают правила поведения, нарушают их. Бывает и так, что поведение «образованных» нефтяников и газовиков становится образцом для некоторых аборигенов.

Что касается *перспектив развития*, то среди исследователей и самих коренных народов распространено мнение, что государственная политика должна строиться не на разовой помощи коренным народам, а на системе мер государственного протекционизма и активного сотрудничества с ними. Однако ни компенсации, ни дотации, ни спонсорская помощь не могут решить проблему устойчивого развития коренного населения. Необходимые меры и программы должны быть нацелены на создание условий для самостоятельного развития традиционных отраслей хозяйствования и культуры арктического коренного населения. Для значительной части представителей коренных народов Арктики через ориентацию на т.н. традиционную культуру реализуется осознание своей самобытности, связи с родной землей и своим народом.

В то же время есть понимание того, что в современных условиях аборигенам важно установление более плотного диалога с органами власти и промышленными компаниями. Сегодня актуальна *концепция культурно ориентированной модернизации и многовариантного саморазвития* коренных малочисленных народов Севера, предполагающая не просто «этническое выживание», но обеспечение условий устойчивого развития северян при сочетании разных типов хозяйственной деятельности, включая освоение современных профессий, утверждение механизмов самоорганизации и помощь государства [12].

Культура коренных малочисленных народов Севера является стратегическим ресурсом развития российской экономики, основанной на знаниях, инновациях, творчестве. Отметим, что «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» предусматривает

более активное использование опыта коренных малочисленных народов в практике хозяйственной деятельности, муниципального и государственного управления. Предполагается, что интеграция этнической культуры и развитие этнотуризма, разработка оригинальных торговых марок, градостроительства (архитектурный дизайн городов Арктики) обеспечат поддержку традиционного знания народов Севера.

Для долгосрочных целей развития российской Арктики необходимо установление партнерских отношений между всеми участниками природопользования и хозяйственной деятельности. Необходим также контроль государства, но не менее важна и активность самих северных аборигенов. За последние два десятилетия они обрели авторитетные организации, имеют сильных лидеров, обеспечили неплохое представительство в органах власти разного уровня, достигли успехов в области культуры, развития ремесел и художественного промысла. Однако пока «большая экономика» проходит мимо аборигенов. Им до сих пор не находится в ней место, нет и местного настоящего прибыльного бизнеса. Зато сохраняются извечные проблемы здоровья населения, обучения и занятости молодежи, достойной поддержки со стороны добывающих частных компаний, а тем более возмещения нанесенных и потенциальных ущербов. Все это нужно решать безотлагательно, чтобы не накапливать риски социально-культурной направленности в развитии Арктики, в системе национальной безопасности в целом.

Список литературы

1 Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1956–1958 годы / Под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2004, Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1959–1962 годы / Под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2005, Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1963–1980 годы / Под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2006, Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1981–1984 годы / Под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2006а, Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1985–1994 годы / Под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2007.

2 Портал народов Севера. Департамент по делам КМНС. URL: <http://www.dkmns.ru/home/npravleniya-devyatelnosti>

3 Европейская языковая хартия и Россия / Под ред. С.В. Соколовского и В.А.Тишкова \ Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М: ИЭА РАН, 2010. Вып.218.

4 Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России / Отв. ред. Н.И. Новикова, Д.А. Функ. М.: ИЭА РАН, 2012, 82-83.

5 Н.Б. Вахтин Языки народов Севера в XX веке. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001, 162.

6 Т.Н. Василькова, А.В. Евай, Е.П. Мартынова, Н.И. Новикова Коренные малочисленные народы и промышленное освоение Арктики (Этнологический мониторинг в Ямало-Ненецком автономном округе). М.; Шадринск: Шадринский Дом печати, 2011, Е.П. Мартынова, Н.И. Новикова Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения. М.: ИП А.Г. Яковлев, 2012.

7 А.В. Головнев Антропология движения. Древности северной Евразии. Екатеринбург: УрО РАН; «Волот», 2009, 311-356.

8...Н.И. Новикова Охотники и нефтяники: Исследования по юридической антропологии. М.: Наука, 2014.

9 М.А. Погодаев Влияние изменения климата на традиционный образ жизни и традиционную хозяйственную деятельность коренных малочисленных народов Севера

// Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации / Под ред. В.А. Штырова. М.: Издание Совета Федерации, 2013, 278-280.

10 Значение охраны священных мест Арктики: Исследование коренных народов Севера России. М.: АКМНСС и ДВ РФ, 2004.

11 Т.Н. Василькова, А.В. Евай, Е.П. Мартынова, Н.И. Новикова Коренные малочисленные народы и промышленное освоение Арктики (Этнологический мониторинг в Ямало-Ненецком автономном округе). М.; Шадринск: Шадринский Дом печати, 2011, Обзор документации проекта «Сахалин-2» // Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза / Отв. ред. Н.И. Новикова. М.: Издательский дом «Стратегия», 2008, 288-311.

12 Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Независимый экспертный доклад / Отв ред. В.А. Тишков. М.; Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2004.